

язык — как диалект финского. Неверно указывается, что государственным языком Чехословакии является только чешский.

В некоторых случаях ошибочно интерпретируются факты отдельных языков. В сноске к стр. 185 неправильно переведено арабское *katabata* как «он убил ее»: корень *kib* означает «писать», а не «убить». Существенная ошибка имеется и в сноске к стр. 84: вместо примеров на верхненемецкое передвижение согласных ошибочно даны примеры грамматического чередования, основанного на законе Вернера. Неверно утверждение на стр. 212, что в армянском языке винительный падеж выражается префиксом. Элемент *z*, употреблявшийся в грабаре, служил главным образом для целей выражения определенности существительного в роли прямого дополнения. Сейчас этого префикса нет. Краткая характеристика финно-угорских языков на стр. 216—217 содержит неточности. Наличие, наряду с субъектным, спряжения объектного характерно только для майсийского, хантыйского, венгерского и мордовского языков. В остальных языках его не существует. Имя и глагол в этих языках дифференцированы довольно отчетливо.

Неточно и утверждение автора, что все угро-финские языки относятся к агглютинативным: в финском языке, в частности, элементы флексивности довольно значительны. § 70 «Некоторые особенности индоевропейских языков» (стр. 213—214) изложен слишком кратко и бледно. Здесь бы следовало дать более подробную лингвистическую характеристику индоевропейских языков, имея в виду не только общие черты их строя, но и те различия, которые возникли в процессе их развития.

Иногда автор затрагивает частные вопросы, которым не место на страницах учебника. Например, не следовало бы здесь решать в категорической форме и вопрос об иберийско-кавказском характере хеттского языка, остающийся в настоящее время спорным. Все указанные погрешности в известной мере снижают значение этой в общем полезной и методологически выдержанной книги.

Автор сознает в полной мере исключительную трудность и ответственность составления учебной книги по «Введению в языковедение» на основе положений сталинского учения о языке. В «Предисловии» А. С. Чикобава говорит: «без помощи коллектива советских языковедов найти должное решение задачи немислимо» (стр. 9).

Критика первой части «Введения в языковедение» приблизит нас к созданию учебной книги, стоящей во всех отношениях на должном методологическом и методическом уровне. Советская высшая школа получила первую часть долгожданного учебника, основанного на положениях сталинского учения о языке. Наша цель — способствовать дальнейшему улучшению этого необходимого для наших гуманитарных вузов учебного пособия.

Б. А. Серебренников

Против вульгаризации и извращения марксизма в языковедении. Сб. статей. Под ред. В. В. Виноградова и Б. А. Серебренникова.— М., Изд-во АН СССР. (Ин-т языковедения). Ч. I—1951. 432 стр. Ч. II—1952. 502 стр.

Так называемое «новое учение» о языке акад. Н. Я. Марра нанесло огромный ущерб развитию советского языковедения. Н. Я. Марр, а вслед за ним и его последователи подменяли положения классиков марксизма-ленинизма идеалистическими по существу положениями о сущности языка, его происхождении и развитии, о связи его с мышлением, обильно оснащая свои работы псевдомарксистской фразеологией. Учение Н. Я. Марра по ряду важнейших вопросов представляло собой вульгаризацию и упрощение марксизма. Навязанное с помощью арактиевского режима, это учение глушило свободную мысль, творческие искания советских языковедов. «Малейшая критика положения дел в советском языковедении, даже самые робкие попытки критики так называемого „нового учения“ в языковедении преследовались и пресекались со стороны руководящих кругов языковедения»¹. Создалась обстановка, при которой была невозможной борьба мнений, свобода критики, обстановка, порождавшая нечетничество, талмудизм и приспособленчество.

Н. Я. Марр и его последователи высокомерно третировали все предшествовавшее языковедение, тем самым снимая вопрос об освоении и творческом развитии научного наследия. «Послушать Н. Я. Марра и особенно его „учеников“, можно подумать, что до Н. Я. Марра не было никакого языковедения, что языковедение началось с появлением „нового учения“ Н. Я. Марра. Маркс и Энгельс были куда скромнее: они считали, что их диалектический материализм является продуктом развития наук, в том числе философии, за предыдущий период»².

Отрицая принципы исследования, выработанные предшествующей наукой, игнорируя методы строго научного изучения фактов языка, Н. Я. Марр и его ученики прививали молодежи нигилистическое отношение к фактам, способствовали распространению верхоглядства и пустословия, созданию всякого рода скороспелых и нео-

¹ И. С т а л и н, Марксизм и вопросы языковедения, Госполитиздат, 1952, стр. 31.

² Там же, стр. 34.

боснованных схем, и этим превращали науку, по яркому и образному выражению И. В. Сталина, в гадание на кофейной гуще.

В гениальных работах И. В. Сталина по вопросам языкознания дан глубокий марксистский анализ всех основных проблем советского языкознания, со всей очевидностью выявлена беспочвенность «нового учения» о языке и полная несоместимость его с основными принципами языкознания, основанного на трудах Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина. Гениальное произведение товарища Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» помогло советским языковедам разобраться в грубейших заблуждениях Марра и встать на путь коренного преобразования науки о языке и развития ее на подлинно научной основе, на основе марксизма-ленинизма.

Критика «нового учения» о языке и преодоление того вредоносного влияния, которое оно оказало на советское языкознание, — чрезвычайно важная и ответственная задача, сохраняющая в полной мере свое значение и в наши дни. Кое-кто начинает думать, что марризм уже уничтожен и что борьба с ним будто бы уже потеряла смысл. Но это совершенно не так: многие из марровских ошибок (отрицание сравнительно-исторического метода, злоупотребление семантикой, априорный схематизм, вульгарное социологизирование и др.) проявили большую живучесть, получили широкое распространение, оказав влияние и на тех языковедов, которые, казалось бы, были очень далеки от лагеря марровцев.

Институт языкознания Академии наук СССР, созданный в результате падения арачеевского режима марровцев, в качестве одной из первых больших работ взял на себя создание коллективного сборника, посвященного разоблачению «нового учения» о языке и критике основных ошибок Н. Я. Марра в различных областях языкознания. Опубликование двух томов рецензируемого сборника является несомненной заслугой института, который сумел за сравнительно короткое время подготовить к печати этот обстоятельный труд. Первый том сборника вышел в 1951 г. к знаменательной годовщине со дня опубликования гениального произведения И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». Ко второй годовщине вышел второй, последний, том сборника.

Первый том в основном посвящен разоблачению ошибок Н. Я. Марра и его учеников в области общего языкознания и русского языка. Том включает статьи, в которых подвергнуты критическому разбору с позиций сталинского учения о языке положения Н. Я. Марра: о классовости языка (В. П. Сухотин), о происхождении языка (А. В. Десницкая), о теории стадийности в развитии языка и мышления (В. В. Виноградов), а также статьи о так называемых семантических законах Н. Я. Марра (В. А. Звегинцев), об отношении истории языка к истории материальной культуры в трактовке марровского направления (Б. В. Горнунг), о понятии грамматической категории у Н. Я. Марра и его последователей (Н. С. Поспелов).

Русского языка касаются статьи об ошибках сторонников «нового учения» по вопросам синтаксиса русского языка (Н. Ю. Шведова), по вопросу о происхождении и истории русского языка (В. Д. Левин и Ф. П. Филин), по вопросам диалектологии (Р. И. Аванесов и В. Г. Орлова), по вопросам русской лексикологии (Е. Т. Черкасова).

Критике работ Марра в области романо-германских языков посвящены статьи В. Ф. Шишмарева и К. А. Левковской, об ошибках последователей Марра по абхазо-адыгским языкам говорится в статье Г. В. Рогава. Статья О. С. Ахмановой посвящена критике ряда марровских работ (И. И. Мещанинова, И. Р. Гербач, М. М. Гухман) с точки зрения методов и приемов исследования³.

Так же богат и разнообразен по содержанию и второй том сборника. Ряд статей посвящен критике работ марровского направления по сравнительно-историческому изучению языков (статьи А. С. Чикобава, Т. С. Шарадзенидзе, Б. В. Горнунг, В. М. Жирмуниского, П. С. Кузнецова, М. М. Гухман), по вопросу о смешении языков (С. Б. Бернштейна, Ю. Д. Дешериева), по вопросам грамматики (О. П. Суника, В. Н. Ярцевой, Е. М. Галкиной-Федорук, М. Н. Петерсона), по вопросам письма и орфографии (А. Б. Шапиро).

³ На первый том сборника в печати было дано несколько рецензий. Среди них прежде всего необходимо упомянуть рецензию С. Г. Бархударова («Большевик», М., 1951, № 23, стр. 74—80). Эта рецензия отмечает большую актуальность сборника, но вместе с тем указывает и на ряд его недостатков: перегруженность цитатами из работ Н. Я. Марра и его последователей и наличие многих повторений. В рецензии также отмечается, что бывшие сторонники Марра, принявшие участие в сборнике (в частности, А. В. Десницкая и Ф. П. Филин), не проявили должной самокритичности. Следует еще указать на рецензию Г. Д. Санжеева и П. Я. Черных («Известия АН СССР. Отд-ние лит-ры и языка», М., 1952, вып. 1, стр. 76—85), которая также в целом положительно оценивает сборник, отмечая вместе с тем некоторые недостатки отдельных статей. См. также в том же выпуске «Известий» (стр. 90—96) обзор обсуждения первого тома сборника в ленинградских секторах Института языкознания.

Ошибкам Марра в области отдельных языков и языковых групп посвящены статьи о языках народов Севера (В. А. Аврорина и П. Я. Скорика), об армянском языке (И. К. Кусикьяна), о горских языках Дагестана (Ш. И. Микаилова), об абхазском языке (А. А. Кварцелия), о чувашском языке (В. Д. Аракина), об угро-финских языках (В. И. Лыткина).

Уже один перечень большого числа критических статей, помещенных в двух томах сборника, говорит о значительности проделанной авторами работы. Ознакомление с содержанием статей со всей убедительностью показывает, как велики ошибки Марра и его последователей, как велик ущерб, нанесенный советскому языковедению «новым учением» о языке, какая большая работа нужна по ликвидации тех тяжелых последствий, которые оставил после себя марризм.

Центральное место в первом томе сборника занимает статья акад. В. В. Виноградова «Критика антимарксистских концепций стадильности в развитии языка и мышления (1923—1940)». Автор статьи убедительно показывает, как Марр и его последователи безуспешно пытались облечь в какие-либо конкретные формы априорно выдвинутую теорию стадильности. Сторонники этой теории пытались опереться и на факты лексики и семантики, и на факты морфологии, и на те или иные особенности синтаксического строя; выдвигались и совершенно фантастические схемы стадильного развития мышления. Но, конечно, эта с начала до конца умозрительная теория не могла быть ничем обоснована, потому что она не вытекала из фактов, потому что строилась она при прямом пренебрежении к фактам. Марр и его последователи не нашли ничего, что могло бы подкрепить теорию стадий, они не смогли даже дать какой-либо более или менее устойчивый перечень этих стадий. Хаос в вопросе о стадиях дошел до того, что И. И. Мещанинов под конец отказался говорить об определенных стадиях, говоря лишь о принципе стадильности, о стадильных переходах. И. В. Сталин сорвал со стадильной теории ореол научности и этим освободил советское языковедение от мертвящей догмы, подменявшей научное изучение исторического развития языка прокрустовым ложем надуманных стадильных схем.

Статья В. В. Виноградова наглядно показывает, в каком вопиющем противоречии со сталинским учением о языке находится стадильная теория, какой разброд, какие шатания переживал лагерь марровцев в вопросе о стадильности, как стадильная теория зашла в тупик, из которого уже не могло быть никакого выхода. В. В. Виноградов доводит обзор теорий стадильности только до 1940 г. И это очень жаль, так как именно в послевоенные годы стал особенно наглядным кризис стадильной теории, достигли крайнего предела разброд и шатания ее сторонников.

Вопрос о стадильности развития языка тесно связан с учением Н. Я. Марра о единстве глоттогонического процесса, которому во втором томе посвящена специальная статья Б. А. Серебрянникова «Критика учения Н. Я. Марра о единстве глоттогонического процесса». В статье дан исторический обзор взглядов акад. Марра по этому вопросу и показано, что уже в работах Марра, относящихся к первому периоду его деятельности, содержится зародыш тех антинаучных положений (учение о скрещении языков, отрицание замкнутости языковых групп и др.), которые в после-революционных работах акад. Марра стали неотъемлемой частью его «нового учения» о языке.

Одним из существенных недостатков первого тома следует считать отсутствие в нем специальной статьи, в которой была бы рассмотрена трактовка марровцами вопроса об отношении языка и общества и прежде всего положение о языке как идеологической надстройке, лежащее в основе почти всех антимарксистских построений Марра. И. В. Сталин дал суровую оценку пониманию языка как надстройки: «...а) марксист не может считать язык надстройкой над базисом; б) смешивать язык с надстройкой — значит допустить серьезную ошибку»⁴. В сборнике нет статьи, в которой эта серьезная ошибка подверглась бы специальному разбору. Статья В. П. Сухотина разбирает только одну сторону вопроса — учение о классовости языка. Статья Б. В. Горнунга касается лишь некоторых вопросов об отношении истории языка к истории материальной культуры. Лишь частично затрагивают эту тему статьи, посвященные учению о стадильности. Между тем вопрос настолько важен, заблуждения Марра в этой области так велики, что специальная статья, вскрывающая ошибки этого рода, была совершенно необходима.

Во втором томе сборника прежде всего выделяется полнотой разбора цикл статей, посвященных родству языков и связанному с этим понятием сравнительно-историческому методу. Н. Я. Марр решительно отвергал возможность применения сравнительно-исторического метода, рассматривая родство языков не как результат их единого происхождения, а как близость, возникшую в процессе стадильных переходов и скрещений разносистемных языков. Н. Я. Марр третировал сравнительно-исторический метод в языковедении как идеалистический, будто бы основанный на теории расизма, к которой этот метод никакого отношения не имел. В устах Марра «индоевропеист» и «индоевропеистика» были презрительными кличками, так как они указывали на срав-

⁴ И. Сталин, Марксизм и вопросы языковедения, стр. 11.

нительно-историческое изучение родственных друг другу индоевропейских языков. В течение долголетнего господства марровцев сравнительно-историческое изучение родственных языков у нас совершенно прекратилось. Особенно в тяжелом положении оказалось изучение близко родственного русскому языку славянских языков. И. В. Сталин в своем труде специально остановился на этом вопросе. «Н. Я. Марр высокомерно третирует всякую попытку изучения групп (семей) языков, как проявление теории „праязыка“. А между тем нельзя отрицать, что языковое родство, например, таких наций, как славянские, не подлежит сомнению, что изучение языкового родства этих наций могло бы принести языкознанию большую пользу в деле изучения законов развития языка»⁵.

В статье Б. В. Горнунга «О критике Н. Я. Марром основ сравнительно-исторического языкознания» удачно показано, что Марр имел совершенно извращенное представление о сравнительно-историческом методе, что его критика поэтому научно несостоятельна. Огульное же отрицание Марром сравнительно-исторического метода препятствовало выяснению действительно свойственных этому методу недостатков. Статьи Т. С. Шараденидзе «Стадиальная классификация языков Н. Я. Марра в свете учения И. В. Сталина о языке», В. М. Жирмунского «Лингвистическая палеонтология Н. Я. Марра и история языка», П. С. Кузнецова «Ошибки Н. Я. Марра в его взглядах на родство и историческое развитие языков» и М. М. Гухман «Критика взглядов Н. Я. Марра по вопросам родства языков» убедительно развращают критику взглядов Н. Я. Марра на родство языков, на их историю и на методы их сравнительного изучения. Хорошо показаны произвольность сопоставлений, которыми оперирует Марр, их надуманный и фантастический характер. Марровским априорным построениям противопоставлены материалы реально существующих языков, документально засвидетельствованные факты истории языков, накопленные рядом поколений ученых в процессе тщательного, методически продуманного их изучения.

Статья А. С. Чикобава «К вопросу об историзме в языкознании в свете трудов И. В. Сталина» с полной убедительностью выявляет всю антиисторичность «нового учения» о языке Н. Я. Марра, указывая при этом на то, что «антиисторизм — знамя современной буржуазной идеалистической лингвистики». Хорошо показано, как антиисторизм у Де Соссюра и его идейных последователей — структуралистов — тесно связан с идеалистическими представлениями о языке.

Убедительно раскрыта и вся абсурдность лингвистической теории Гюнел-Дил, но, может быть, подробный и систематический анализ учения Марра об элементах был бы не менее поучительным. Ведь в сборнике хотя и очень много говорится о марровских элементах, нигде вместе с тем не дан полный анализ этого учения. Ссылка на самоочевидную абсурдность элементного анализа никак не может быть признана достаточным аргументом против необходимости специальной критической статьи на эту тему. Наоборот, такая статья оказалась бы одним из наиболее эффективных средств для полной научной дискредитации лингвистической теории Н. Я. Марра.

Вслед за циклом статей, посвященных вопросу об изучении родственных языков, следуют статьи С. Б. Бернштейна и Ю. Д. Дешериева о проблеме языковых смещений и о марровском учении о скрещении языков. Как известно, Марр считал, что все языки земного шара являются скрещенными и что в процессе этого скрещения и возникает родство языков. Статьи показывают, что эти утверждения совершенно произвольны и противоречат фактам языковой истории. С. Б. Бернштейн приводит данные, говорящие о том, что в своих положениях Марр исходит из утверждения К. Каутского, который не разделял взглядов Энгельса на развитие языков в эпоху родового строя и утверждал, что языки всегда развиваются путем скрещивания. В статьях С. Б. Бернштейна и Ю. Д. Дешериева приводится интересный материал, свидетельствующий о том, насколько произвольны такого рода утверждения. Статьи дают материал (С. Б. Бернштейн — по славянским языкам, Ю. Д. Дешериев — по языкам Кавказа), хорошо иллюстрирующий положение И. В. Сталина о языковом скрещивании. «Совершенно неправильно было бы думать, что в результате скрещивания, скажем, двух языков получается новый, третий язык, не похожий ни на один из скрещенных языков и качественно отличающийся от каждого из них. На самом деле при скрещивании один из языков обычно выходит победителем, сохраняет свой грамматический строй, сохраняет свой основной словарный фонд и продолжает развиваться по внутренним законам своего развития, а другой язык теряет постепенно свое качество и постепенно отмирает»⁶.

Ряд статей в сборнике посвящен вопросам грамматики. Вслед за статьей Н. С. Пospelova «Понятие грамматической категории у Н. Я. Марра и его последователей», помещенной в первом томе, во втором томе даны статьи О. П. Суника «Критика взглядов Н. Я. Марра на грамматику», В. Н. Ярцевой «Смещение лексики с грамматикой в „теории“ Н. Я. Марра», Е. М. Галкиной-Федорук

⁵ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 33—34.

⁶ Там же, стр. 29—30.

«Критика учения Н. Я. Марра о членах предложения и частях речи» и М. Н. Петерсона «Эклектизм и антиисторизм взглядов И. И. Мещанинова на члены предложения и части речи».

Статьи дают большой материал для суждения об ошибках акад. Марра в области грамматики, взаимно дополняя друг друга, но, к сожалению, очень часто и повторяя одно и то же. Как известно, в отношении грамматики Н. Я. Марр проявил такой же бессмысленный и тугой нигилизм, как и в отношении других отраслей языковедения. Его призыв к уничтожению традиционной грамматики и созданию совершенно новой, «идеологической», «материалистической», трудно представить себе как реальную программу действий. Очевидно, плохо представлял себе все это и сам Марр. Однако из отдельных его высказываний все же можно вывести заключение о том направлении, которым ему хотелось идти, о том понимании грамматических явлений, которого он придерживался.

Граматику Н. Я. Марр вульгаризаторски сводил к отображению экономического строя и производственных отношений. Морфология речи, как он говорил, отражает морфологию общественного строя. Степени сравнения Марр рассматривал как отложения названий различных сословий, род имен существительных он связывал с матриархатом и патриархатом. Чуть ли не все грамматические категории, части речи, члены предложения, по Марру, восходя к пресловутому тотему. Марру, очевидно, казалось, что это и есть борьба с «формализмом», с «отрешенностью грамматики от общественности», о чем он без усталости говорил. Но борьба с формализмом фактически превратилась у Марра в борьбу с грамматикой. «Н. Я. Марр и его „ученики“ обвиняют в „формализме“ всех языковедов, не разделяющих „новое учение“ Н. Я. Марра. Это, конечно, несерьезно и неумно.

Н. Я. Марр считал грамматику пустой „формальностью“, а людей, считающих грамматический строй основой языка — формалистами. Это и вовсе глупо». И. В. Сталин показал, что борьба Марра с «формализмом» привела его к злоупотреблению семантикой, к отрыву значений от звуковой материи, мышления от языка, привела его в болото идеализма.

Ученики и последователи Н. Я. Марра пытались найти в «трудягической тарбарщине» какое-то рациональное зерно, придать отдельным его положениям видимость логически последовательных и научно доказуемых. В этом отношении О. П. Суник неправ, утверждая в своей статье, что «тот из сторонников „нового учения“ о языке, кто занимался или хотя бы пытался заниматься грамматическими исследованиями, вынужден был по существу отходить не только от общих установок Н. Я. Марра, требовавших прямой ликвидации всякой „так называемой“ грамматики, но и от множества частных „смущающих“ построений и выводов Н. Я. Марра по вопросам грамматики» (стр. 341). Конечно, никому не удавалось и не могло удаться следовать всем марровским положениям сразу, так как высказывания Н. Я. Марра не представляли единой последовательной и продуманной системы, будучи чрезвычайно отрывочными, запутанными и противоречивыми. Но его основные идеи развивались его учениками, причем одни из них развивали грамматические взгляды Н. Я. Марра в плане палеонтологии, генезиса тех или иных грамматических явлений, другие же в плане дематериализации грамматики, злоупотребления семантикой («понятийные категории» И. И. Мещанинова, «скрытая морфология» С. Д. Кацнельсона и т. д.). Этот второй план разработки грамматических вопросов у Н. Я. Марра и его последователей циклом статей сборника, посвященных грамматике, представлен довольно полно. Первый же, палеонтологический план освещен в сборнике слабее, к тому же преимущественно в статьях, касающихся этого вопроса лишь попутно.

Богатый и интересный материал содержится в статьях, посвященных ошибкам Н. Я. Марра, допущенным им в области изучения отдельных языков. Перечень этих фактических ошибок, проявлений научной неряшливости и даже неграмотности производит огромное впечатление. Н. Я. Марр совершенно незаслуженно рекламировался его последователями как исключительный знаток языков. Он действительно в своих работах оперирует материалами огромного количества языков, но большую часть из них Н. Я. Марр знал поверхностно. Слошь и рядом он судил о языке лишь по нескольким словам, подчас чуждым им случайно, иногда с грубыми фонетическими и смысловыми ошибками.

Если серьезным недостатком надо считать те ошибки, которые делал акад. Марр в отношении мало изученных языков, то совершенно непростительны ошибки в отношении языков, диалектология, история, родственные связи которых хорошо изучены, по которым имеются словари, грамматики, большая научная литература. Яркие примеры того, как легкомысленно оперировал акад. Марр фактами русского языка, игнорируя его документально засвидетельствованную историю, приводит в своей статье В. Д. Левин (1 т.). Сравнивая русское слово *мука* с груз. *тица* «дуб», русск. язык с этническим названием *ясы*, Марр не учитывал, что древнейшей формой этих слов были *мѣка*, *ѡвѣжъ* с носовыми гласными; выделяя в нем. *Himmel* «небо» и русск. *земля*

⁷ И. Сталин, Марксизм и вопросы языковедения, стр. 41—42.

общий элемент *мел*, Марр также не учел, что в русском слове корнем является *зем*, а *л* возникло лишь в результате смягчения губных (*mj* > *ml*, аналогично *bj* > *bl*, *pi* > *pl*); совершенно карикатурно выглядит и выделение в слове *огонь* основы *гон*, в то время как древнейшей формой этого слова был *огнь*, а *о* (между *г* и *н*) возникло в результате падежня редуцированных.

Чрезвычайно показательно ошибки Н. Я. Марра фактического порядка в области романо-германских языков, приведенные в статьях В. Ф. Шишмарева и К. А. Левковской. Так, например, совершенно анекдотична попытка Н. Я. Марра рассматривать *dt* в слове *Stadt* как стяжение *deutsch* (*// deut*), так как *dt* представляет собой чисто орфографическое явление, используемое начиная с XVI в. для различения на письме омонимов *Stadt* «город» и *Statt* «место». Сравнительно поздно возникшее в немецком языке обозначение долготы через *h* акад. Марр так же наивно рассматривает как самостоятельную фонему и основывает на этом свои вымышленные этимологии: *rühren* «касаться», русск. *рука* (<*рЯка*), *рушить*.

Неосведомленность в тюрко-татарских языках проявил Н. Я. Марр и в привлекаемых им чувашских примерах, как это показывает В. Д. Аракин в своей статье, богатой фактическим материалом. Можно привести, в частности, сопоставление Марром франц. *porter* с чуваш. *por* «есть, имеется», которое игнорирует связи франц. *porter* с лат. *portare*, а чуваш. *por* с тюркскими *бар*, *вар*. В. Д. Аракин приходит к выводу, что «буквально ни одно утверждение Н. Я. Марра, касающееся чувашского языка, не выдерживает критики».

Обильна убедительными примерами и статья В. И. Лыткина, который указывает на совершенно произвольные приемы Н. Я. Марра в использовании фактического материала финно-угорских языков. Его не интересует реальная история слов, потому что она мешает его произвольным сопоставлениям. Иногда Марр просто не знал фактов, иногда же он сознательно их игнорировал.

Особенно любопытны примеры из различных языков Кавказа, приведенные в статьях Ш. И. Микаилова, А. А. Кварчелия и К. И. Кусикьяна. Акад. Марр, хотя и был кавказоведом по специальности, пользовался кавказскими материалами часто совершенно произвольно, допуская иногда грубые фактические ошибки. Показательно использование Марром дидойского слова *ригу* «хороший» для сопоставления с лат. *lux* «свет»; при этом он совершенно не считается с тем, что *р* в слове *ригу* является переменным классным показателем (*ригу*, *бигу*, *йигу*, *игу*). Подобных примеров произвольного использования материалов кавказских языков упомянутые статьи дают очень много⁸.

Сборник «Против вульгаризации и извращения марксизма в языкознании» в борьбе за освобождение советского языкознания от ошибок акад. Марра безусловно сыграет значительную роль. Читатель-языковед в сборнике найдет большой, разнообразный и хорошо документированный материал, убедительно раскрывающий методологическую порочность и научную несостоятельность так называемого «нового учения» о языке во всех основных отраслях языкознания.

Ознакомление с рецензируемым сборником следует рекомендовать различным категориям читателей. Из него немало поучительного может почерпнуть и начинающий ученый, и молодой аспирант, только вступающий в науку. С большим интересом прочтет его и языковед, в памяти которого свежи печальные времена аракчеевского режима, когда сурово пресекались малейшие попытки критики марровских нелепостей. Но значение сборника не только в том, что он помогает нам заглянуть в недавнее прошлое, но также в разборе того, что уже стало достоянием истории (ведь Марр, конечно, уже вчерашний день в истории советского языкознания!), но и в том, что он оказывается нужным и при разрешении актуальных проблем советского языкознания, осуществляемых в наши дни на основе сталинских указаний о внедрении марксизма в науку о языке. Некоторые из марровских ошибок и заблуждений настолько глубоко проникли в умы, что возможность их рецидива вполне реальна, несмотря на совершенно очевидную, казалось бы, ложность исходных предпосылок марровского учения.

Вот почему следует высоко оценить и методологическое значение, и актуальность рецензируемого сборника. Однако необходимо более подробно указать и на ряд его недостатков. Прежде всего сборник, посвященный критике, не учитывает в должной степени задачи позитивного характера. Недостаточно выявить ошибки Марра, надо указать и пути положительного решения вопроса. Сборник не помогает читателю в должной степени разобраться в таких больших вопросах, как вопрос о связи истории языка с историей народа, вопрос о внутренних законах развития языка, о принципах сравнительно-исторического изучения родственных языков в связи с наличием серьезных недостатков традиционного сравнительно-исторического метода, вопрос о принципах изучения синтаксиса и т. д. Освобождение от ошибок Марра должно

⁸ Автор настоящей рецензии должен отметить свою ошибку в брошюре «Краткие сведения о языках Дагестана» (Махач-Кала, Изд-во Дагест. базы АН СССР, 1949), где он приписывал акад. Марру, так же как и акад. Мещанинову, особые заслуги в деле изучения языков Дагестана, для чего на самом деле не было никаких оснований.

было сочетаться с разрешением важнейших положительных задач, стоящих перед советским языковедением.

В сборнике приняли участие многие языковеды, которые в свое время были последователями акад. Марра или испытали на себе большое влияние его учения. Привлечение таких авторов к участию в критическом сборнике нельзя не признать правдивым. Но не все из них прямо и открыто заявили о тех марристских ошибках, которые они в свое время совершили. В печати уже указывалось, что А. В. Десницкая, которая была активным последователем Н. Я. Марра, ни слова не сказала в сборнике о своих прошлых ошибках. Правда, другие участники сборника — бывшие марровцы нашли в себе смелость признать свои ошибки и осудить свои прежние марристские работы, но не все это сделали «во весь голос».

Однако одного признания ошибок далеко еще недостаточно. В сборнике надо было больше уделить места конкретному и подробному анализу важнейших работ последователей Марра. В области германистики, в частности, совершенно недостаточное внимание уделено таким работам, как «Строй готского глагола» М. М. Гухмаи, «К генезису номинативного предложения» С. Д. Кацнельсона, «Чередование гласных в германских языках» А. В. Десницкой. Специального разбора требуют грамматические взгляды С. Д. Кацнельсона, о которых в сборнике говорилось лишь попутно. Самого Марра критиковать гораздо легче. Теперь, когда ореола непогрешимости вокруг Марра уже нет, вопиющие погрешности против здравого смысла, фантастический характер и полная произвольность огромного большинства его построений очевидны. Работы же «учеников» Марра имеют более научнообразный завуалированный вид и поэтому их антинаучный характер требует иногда специального обнаружения. Вот почему редакция сборника должна была уделить внимание разбору таких работ.

Недостаточное освещение получил в сборнике вопрос об отношении Марра к теме «Язык и современность». Лишь некоторые разделы этой темы разобраны в статье А. Б. Шапиро «Вопросы письма и правописания в работах Н. Я. Марра и его последователей». Такие разделы, как «Язык и школа», «Культура речи», в сборнике остались не освещенными. Следовало бы уделить внимание работам Марра о родстве грузинского языка с семитическими. Больше места надо было дать критике работ Марра по языкам Кавказа. На таких языках, как грузинский, которым Марр занимался больше всего, следовало бы показать неприемлемость его методологии и произвольность многих его утверждений. Не использованы многие работы Марра по языкам Северного Кавказа, в частности, его статья о кабардинском языке. В статье И. К. Кусикьяна недостаточно использованы для критики Марра многочисленные его работы о «яфетических» элементах в языках Армении.

Сборник слишком велик по объему. Это его большой недостаток. В сборнике много совершенно ненужных повторений и ссылок на одни и те же цитаты из Н. Я. Марра. Объем сборника — немаловажный вопрос, потому что с ним непосредственно связан и вопрос о доступности и эффективности самого издания. Вряд ли найдется много читателей, которые смогут прочитать этот большой двухтомный труд объемом почти в 1000 страниц. Читают обычно отдельные статьи на выбор. Но в таком случае издание не вполне достигает своей цели — дать критический разбор «нового учения» о языке в целом, выявить всей совокупностью статей его научную несостоятельность и несомнимость с принципами сталинского языковедения.

Высоко оценив методологическое и научное значение опубликованного сборника, его большую роль в борьбе с учением Марра и его пережитками, необходимо вместе с тем подчеркнуть всю важность дальнейшего продолжения этой борьбы. Сборник «Против вульгаризации и извращения марксизма в языковедении» никоим образом нельзя еще рассматривать как завершающее звено в борьбе с марризмом. После того как Институтом языковедения АН СССР уже проделана такая большая работа по созданию рецензируемого сборника, очевидно, сравнительно легко будет подготовить и новый труд, в котором при относительно небольшом объеме и в более популярном изложении был бы дан критический разбор «нового учения» о языке. Потребность в таком издании очень велика.

Е. А. Бокарева